

Глава 14. Отголоски небесного прошлого

Воздух дрогнул от знакомого колебания силы. Хуа Тянь не успел вытащить спрятанную в паланкине девушку — упавший с небес луч меча рассёк его надвое. Подобно сухому дереву, разрубленное тело с глухим треском рухнуло на землю. И не успел демон вновь собраться воедино, как стоявший у порога мужчина упрятал его в висевший на поясе тыквенный сосуд.

Взобравшись на толстый сук дерева, Ху Цзюмин со своей высоты отлично видел, как белая фигура уже скрылась в дверях храма. Ощущая отголоски затихающих вспышек силы, лис тонко улыбнулся и неспешным, изящным шагом направился к заброшенной обители. Он не сомневался: пока он дойдёт, Цзи Цин уже со всем покончит.

И действительно, когда Ху Цзюмин приоткрыл ветхую створку и переступил порог, перед ним предстал лишь знакомый силуэт даоса. Клубившаяся прежде под самым куполом зловещая аура почти рассеялась, оставив после себя лишь едва уловимый шлейф. Из тыквы-горлянки на поясе Цзи Цина доносился приглушённый, яростный визг пленницы.

Ху Цзюмин усмехнулся:

— Слушай, даос, давай договоримся. Отдай её мне, а?

Цзи Цин даже не обернулся. Взмахом рукава он перевернул брошенный паланкин, обнаружив внутри дрожащую от страха женщину. Бледная как смерть, обливаемая горячими слезами, она испуганно переводила взгляд с одного спасителя на другого, явно не понимая, на каком она свете.

Су Юэчай позабыла даже утереть слёзы. Она заворожённо, глупо уставилась на стоящих перед ней мужчин.

«Если эти двое — тоже демоны, то до чего же они хороши собой...»

Заметив этот пристальный, лихорадочный взгляд, Цзи Цин слегка нахмурился. Скользнув вперёд, он бесшумно заслонил собой Ху Цзюмина.

Лис недоуменно моргал. Он искренне не понимал, чем не угодил даосу и почему тот загородил обзор. Все помыслы оборотня крутились вокруг заветной тыквы: заточённая там тварь послужила бы отличным подспорьем для укрепления тела и восполнения духовных сил.

Ху Цзюмин воровато сделал два шага в сторону, но тут из-за спины Цзи Цина донёсся робкий голосок:

— Молодые господа... вы люди или демоны?

Лис лукаво усмехнулся. Выпростав из длинного зелёного рукава изящную кисть, он потянулся к поясу даоса.

«И люди тут есть, красавица, и демоны», — мысленно отозвался он.

Дождь утих. Мягкие лучи закатного солнца скользнули по подножию горы Лунной Реки, окрасив полуразрушенный храм в золотисто-багряные тона. С трудом спустившись по размокшей тропе, местный дровосек по имени Фугуй решил перевести здесь дух.

Он уже много лет промышлял заготовкой дров в этих местах, но в такую свирепую бурю угодил впервые. Перед уходом старик-кузнец из соседнего двора предупреждал его о ненастье, но упрямый дровосек лишь отмахнулся — и в итоге едва не остался ночевать в лесу, отрезанный потоками воды.

Прислонив тяжёлую вязанку хвороста к замшелому каменному льву у входа, Фугуй поднялся по ступеням. Эта заброшенная обитель давно служила ему приютом: когда он задерживался в горах дотемна, то нередко устраивался здесь на ночлег, дожидаясь рассвета и открытия городских ворот. Небо вновь затягивало хмурыми тучами, так что раздумывать не приходилось — нужно было укрыться под крышей.

Преодолев несколько десятков выщербленных ступеней, Фугуй замер у входа. Тяжёлые деревянные створки были приоткрыты. Заглянув внутрь, он обомлел: посреди заброшенного двора стояли двое мужчин. И у одного из них — длинные, как серебряные нити, белоснежные волосы. Самый настоящий оборотень, точь-в-точь как в дедовских сказках!

Средь бела дня увидеть такое чудище! Фугуй, не переводя дыхания, бросился наутёк. Предки наказывали строго-настрога: твари, способные безбоязненно разгуливать под солнцем — это древние, могущественные чудовища. Они пуще всего любят выпивать людскую кровь и пожирать живые сердца. А он, Фугуй, ещё даже не женился, наследниками не обзавёлся — негоже так глупо пропадать в лапах нечисти!

Но не успел перепуганный мужик сбежать по лестнице, как Цзи Цин уловил шорох за спиной. Одной рукой он железной хваткой перехватил запястье лезущего к поясу лиса, а другой сделал резкий жест назад. Прозрачный воздушный вихрь сорвался с его пальцев и стремительно вылетел за ворота.

Спустя мгновение поток воздуха вернулся, увлекая за собой брыкающегося человека. Чернокожий, с простоватым и добродушным лицом, тот ошалело таращил покрасневшие от ужаса глаза. Это был не кто иной, как незадачливый беглец Фугуй.

Зависнув в воздухе без малейшей возможности шевельнуться, дровосек чувствовал, как бешено колотится сердце. Обречённо зажмурившись, он уныло размышлял о вечном:

«Хоть бы моя глупая баба после моей кончины отыскала те монетки под кроватью... Копил ведь, дурак, на весёлый дом, да так и не сподобился сходить».

Тем временем зажатый за руку Ху Цзюмин почувствовал, как по телу разлилась ледяная онемелость. Он застыл на месте, не в силах даже пальцем пошевелить, так и оставшись стоять в нелепой позе воришки. Поняв, что даос наложил на него заклятие обездвиживания, лис лишь яростно сверлил глазами его спину, мысленно сжигая этого невыносимого зануду дотла.

Цзи Цин мягко опустил обмякшего дровосека на землю и бросил к его ногам два защитных талисмана. Затем он перевёл взгляд на бледную Су Юэчай:

— В горах сейчас бродит нечисть. Ступайте в город вместе, так безопаснее.

Услышав человеческую речь, Фугуй осторожно приоткрыл один глаз. Он перевёл взгляд со спасённой девицы на благородного белого даоса, а затем на замершего за его спиной длинноволосого лиса, и в его голове мгновенно сложилась стройная картина: перед ним благородный заклинатель, который только что одолел жуткую тварь и уберёт от гибели беззащитную барышню.

Дровосек облегчённо выдохнул и поспешно забил поклоны:

— Так вы, почтенный господин, даос-избавитель! Век буду молить богов за ваше здоровье! Спасибо за спасение души моей грешной!

Даос никак не отреагировал на излияния благодарности, сохранив бесстрастный вид. Фугуй вспомнил, что истинные мастера недеяния всегда высокомерны и не любят лишней суеты. Поняв, что им с девицей лучше не путаться под ногами во время великого таинства изгнания бесов, он торопливо подобрал жёлтые листки заклинаний, схватил за руку оцепеневшую Су Юэчай и припустил прочь так, что только пятки засверкали.

Едва топот их шагов затих в отдалении, Цзи Цин повернулся к своему недвижимому спутнику.

— И что это было? — негромко спросил он.

Едва оковы спали, Ху Цзюмин шумно выдохнул и принялся растирать затекшие плечи. Сделав невинное лицо, он подольстился поближе:

— Да ничего особенного! Просто хотел поглядеть на твою добычу. Я ведь, как спустился в мир смертных, других демонов и в глаза не видел.

Даос смерил его ледяным взглядом, промолчал и взмахом руки затворил тяжёлые ворота. Внутри святилища было сносно: слуга успел навести относительный порядок перед бегством. Выбрав место почище, Цзи Цин устроился на циновке и закрыл глаза, лишь бы не видеть эту

бесстыжую, смазливую физиономию.

Однако бросать начатое лис не собирался. Шурша полами зелёного халата, он бесцельно уселся прямо напротив даоса.

— Так ты отдашь мне её или нет? Не отдашь добром — я сам заберу.

Оборотень снова потянулся к поясу Цзи Цина. Тот, даже не открывая глаз, перехватил его пальцы. Вновь по венам прокатилась парализующая дрожь, лишая воли.

— Ещё один час неподвижности, — бесстрастно изрёк даос. — И половина золотой пилюли в уплату долга.

Лис едва не взвился на месте от возмущения. Час позора он бы ещё стерпел, но золотая пилюля у него была всего одна! Забрать половину — это же чистый грабёж!

— Проклятый даос! — прошипел он сквозь зубы. — Да по какому праву?!

Почувствовав, как закипает от ярости нечисть, Цзи Цин неторопливо открыл глаза, убрал чужую руку от своего лица и отдельно, весомо произнёс:

— За попытку укрепить силы тёмным путём — час покоя. За самовольное принятие человеческого облика — половина золотой пилюли.

Договорив, он снова погрузился в созерцание внутренней пустоты, предоставив лису исходить бессильной злобой.

Тем временем в Небесном чертоге разразилась новая буря. Верховный бессмертный Чжун Куй, отправленный в мир смертных для осмотра Башни Подавления Демонов, бесследно сгинул. Он не просто перестал выходить на связь — его именная табличка жизни дала глубокую трещину, предвещающая скорую гибель. Небесные чины в тревоге перешёптывались, связывая это дурное знамение с недавним предсказанием Божественного Зеркала Разрушения Солнца.

Не находя покоя, Нефритовый император лично отправился в Западный Рай, дабы испросить совета у Будды. Владыка восседал на сияющем троне-лотосе, а гость — напротив него. Сомкнув пальцы в тайном жесте, Будда погрузился в чтение нитей судьбы. Миновало немало времени, прежде чем он открыл глаза и тихо молвил:

— Грядущее бедствие может обратиться как прахом, так и великим спасением. Всё зависит от угасающего величия трёх миров.

Владыка небес прекрасно понимал: за этими туманными речами скрывалось обычное «на всё воля Небес». Но уповать на слепой случай он не желал. В тот же день Нефритовый император покинул обитель бессмертных и устремился в Мир Скитаний. Там раскинулось бескрайнее Подземное море, именуемое также Морем восьми пределов. В его тёмных водах таились три древних острова — мёртвые, безжизненные земли, хранившие самые страшные тайны мироздания.

Стоя на угрюмом скалистом берегу, правитель хмуро созерцал клубящиеся над водой серые испарения смерти. Стоило этому тлену проникнуть в тело бессмертного — и даже Будда Западного Рая лишился бы большей части сил, а то и вовсе обратился в прах. В эти дикие, первозданные края, уцелевшие со времён сотворения мира, не смела ступить ни одна живая душа, кроме истинных демонов.

Достав из-за пазухи Божественное Зеркало Разрушения Солнца, Нефритовый император подбросил его вверх. Окружённый спасительным золотым сиянием артефакта, он бесшумно скользнул над бурлящей бездной. Игнорируя тянущиеся к нему серые щупальца ядовитого тумана, правитель направил свой полёт на самый север Моря восьми пределов.

Там, посреди вечной мглы, высился исполинский остров, окутанный плотным саваном первородной тьмы. Даже всепожирающая серая смерть отступала перед этой первобытной силой, не смея приблизиться к берегам. Нефритовый император опустил на каменистую твердь. Окутанный золотым светом зеркала, он казался чужеродным ярким пятном среди этого беспросветного мрака.

Окинув взором бесплодную пустошь, владыка небес нахмурился: проклятые земли заметно разрослись. Остров представлял собой нагромождение острых обломков скал и обугленных, скрюченных стволов. Пропитанные демонической скверной деревья мертво чернели на фоне неба, беспрестанно шевеля корявыми сучьями, точно тянущиеся к живому мертвецу.

В самом сердце острова высилась колоссальная каменная стела, испещрённая древними защитными знаками драконов и фениксов. Плита покоилась на панцире исполинской каменной черепахи, чья морда была искажена в беззвучном яростном оскале. Если присмотреться, то в распахнутой пасти чудовища можно было различить человеческую фигуру. Узник стоял на коленях, опутанный толстым чёрным языком твари; его плечи насквозь пронзали ржавые цепи, уходившие глубоко в каменную глотку черепахи.

Зависнув в вышине, Нефритовый император тихо произнёс:

— Давно не виделись, Мо Фэн.

Привязанный вздрогнул. Его склонённая голова медленно приподнялась. Сквозь спутанные, грязные пряди черных волос блеснули алые, налитые кровью глаза, полные первобытной злобы. Узник зловеще усмехнулся, и над мёртвым островом разнёсся безумный, хриплый хохот. Отсмеявшись, пленник заговорил — и его голос прозвучал на удивление чисто и холодно, диссонируя с убогим обликом:

— Зачем пожаловал? Неужто наконец решился оборвать мою жалкую жизнь? Или пришёл сам, чтобы я наконец сожрал твою праведную душу?

<http://bllate.org/book/20393/2140304>